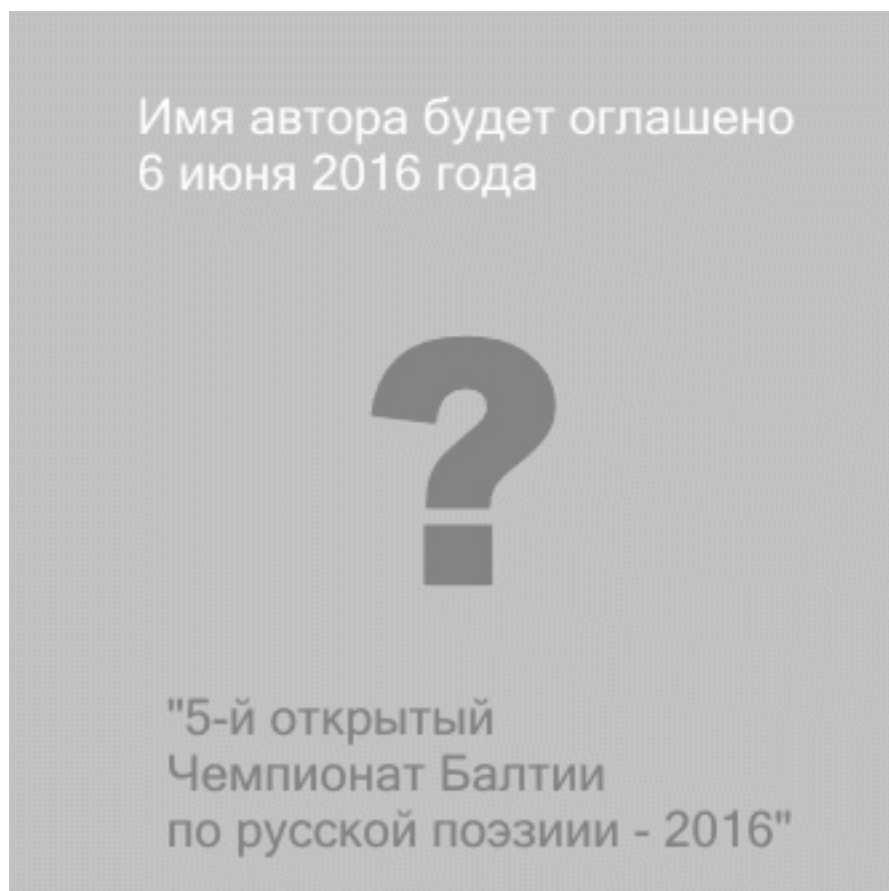

Имя автора конкурсной подборки будет объявлено 6 июня 2016 года в итоговом протоколе конкурса.

АНТИЧНЫЙ БЛЮЗ

Весенний день

А вчера в лесу были совсем другие деревья,
хорошо это помню, я их ещё жалел —
похожие на усталое, измотанное кочевье,
тяжело застывшее воинство грузных тел.

Что ли, лес подменили? — сегодня стволы незнакомы,
свежие, бодрые, как будто освободились из пут;
у них мускулистые корни, у них ажурные кроны,
вот-вот запрыгают или же побегут.

А опустишь взгляд — там и сям любопытствующие головки,
желтые, голубые, пестрые — выглядывают из трав,
кажется, в слое почвы ходят подземные лодки,

перископы глазастые приподняв.

Атлетичные муравьи. Стрекозы летают, что супермены.
К налитому ясеню ластится хитрый вьюнок.
Неузнаваемый лес, потрясающие перемены,
белым камнем по праву отметится этот денек.

Элегия

Ленивый свет акацией пропах,
в душистой пенке небо постирали;
вот живопись — в червонных облаках,
вот музыка на кончике спирали,
всё — красота. Дано ль её понять
жуку, стрижу и твари самой мелкой?
Кувшин... монета... старая тетрадь,
и человек - такая же безделка...
Прихвачена незримой бечевой,
душа-плясунья бездны не боится:
умру - и стану солнечной пчелой
в акациях покладисто трудиться.

Поэма экстази

(Отрывок)

Искривленная память, изогнутые деревья,
лодка беспомощна, если разбито кормило,
если время — натянутым луком, то радуга-тетива
все века и пространства напрочь соединила,
так пророком становится гундосящий идиот,
поражая толпу невиданным яростным светом,
так, шагнув из окна, слепоглазый лунатик идёт
по карнизу в ладонь шириной, не оступаясь при этом,
так пути нас двоих в незаданной точке сошлись,
на краю, в ординарной закуской у дороги —
"пару бургеров и холодное пиво, плиз" —
где Буковски с Сократом ведут без конца диалоги.

Предыдущим вечером я задержался в гостях,
удостоился аудиенции у осколка эпохи:
хромоногий титан, переделкинский патриарх...
Сам не свой, в темноте, на последнем вздохе,
я, блуждая в трех соснах, в колючую чашу залез,

проклиная портвейн, судьбу и праматерь Гею,
напролом продирался сквозь сумрачный лес,
выйдя наутро чумазым лешим к хайвэю
прямиком из Москвы — что за причудливый трип? —
закипали мозги, упустив безнадежно вожжи...
Паренек в кафешке, выслушав сбивчивый хрип,
дружелюбно кивнул и назвался: "Вёрджил".
Отряхнув, так сказать, с кроссовок реальности прах,
мы носились по треку судеб, не считая колёса,
пламенели в психоделических снах и цветах,
вырывались из лап серобудничного колосса —
от бродвейского глянца, манерных пижонов рож,
к царству вакханок неистовых, как говорил Гораций, —
автостопом на Вудсток — с неба тяжелый дождь
и пурпурный туман в качестве декораций...

это я или нет до сих пор волоку свой груз,
пару бессмертий спустя, измочаленный, ждущий коды?
Долгий гекзаметр, тяжелый античный блюз,
годы и мулы, детка, пустынные мулы-годы.
В эпилоге, который я никогда не прочту,
обозначатся нити сюжета и замысел прояснится:
мы проспали момент, когда свиньи сожрали мечту,
но в приснившейся жизни смели все табу и границы.
Черный омут времён, ржавый скрежет гигантской клешни,
где хипня и гебня барахтаются вперемешку...
Вёрджил сбрасывает рюкзак, произносит: "Ну вот, пришли."
И старик Аид отворяет свою ночлежку.

